

Золотая сотня

Судьбы первых студентов АДР, отправленных на учебу в Европу

Франгиз Ханджанбекова

В мае-июне 1937 года он, как опытный организатор науки и специалист в области геологии, работал в составе оргкомитета по подготовке 17-й сессии Международного геологического конгресса, открытие которой должно было состояться в Москве. Как свидетельствует Лейла ханым, отец должен был выступить там с отчетом о проделанной работе и представить составленную под его руководством геологическую карту полезных ископаемых Азербайджана. Однако именно в канун этого события он был заподозрен в контрреволюционной деятельности, у него отобрали приглашение и исключили из партии как врага народа за якобы проводимую в академии вредительскую работу, затем отстранили от всех должностей, в том числе от членства во ВЦИК. Вместо него на сессию поехал и выступил там с докладом «Грязевые вулканы Абшеронского полуострова и их связь с нефтегазоносностью» ученый секретарь АзФАН Ахад Якубов, в будущем академик, лауреат двух Сталинских премий. Он также продемонстрировал геологическую карту полезных ископаемых. Участники конгресса дали высокую оценку тому, как она была составлена. Фамилия же Кязимова как автора геологической карты на конгрессе не прозвучала. В 1938 году на освободившуюся после Кязимова должность зампреда президиума АзФАН назначается Ахад Якубов.

Не чувствуя за собой вины, Кязимов не собирался мириться с огульными обвинениями в свой адрес и писал письма в различные инстанции Москвы и Баку, пытаясь доказать свою невиновность. Все произошедшее с ним он воспринимал как некое недоразумение. Ему казалось, что достаточно объяснить это в соответствующих инстанциях, и все станет как прежде: он будет восстановлен в партии, вернется в академию, продолжит свою деятельность на благо родины, ведь для того его и посылали на обучение за рубеж. Он, конечно же, не знал о секретном меморандуме ГПУ от 20 июля 1934 года, где были следующие слова: «Интерес представляет группа германофильствующих элементов из числа азербайджанских тюрок, имеющих связь с Германией, тесно увязываемая с рядом иноспециалистов-немцев на предприятиях», а также о меморандуме НКВД от 1935 года, в котором есть пункт «Лица, получившие образование в Германии» и соответствующие ему распоряжения - например, определять количество вернувшихся на родину и отрасли, где работают выпускники германских вузов, и другие. В документах НКВД особо выделялся факт отправки азербайджанских студентов на учебу в Германию мусаватским правительством. Ясно, что эти люди автоматически зачислялись в число неблагонадежных. Однако отнюдь не по этой причине Мир Джафар Багиров отказался вмешаться в явно сфабрикованное по чьему-то желанию дело Джафара Кязимова. В приватном разговоре Марии Николаевне сказали, что когда кто-то попытался замолвить за ее мужа слово, Багиров ответил, что не верит в то, что Джафар Кязимов - контрреволюционер, но вмешиваться в это дело не будет. Почему? Если знать, что первый секретарь ЦК КП Азербайджана Мир Джафар Багиров еще в 1937 году лично расстрелял в своем кабинете министра труда и земледелия Ахмед бека Пепинова, а также народного комиссара просвещения Мамед бека Джуварлинского, не говоря уже о его подписях на сотнях расстрельных дел, то необходимость в каких-либо объяснениях отпадает.

К моменту ареста Кязимов работал над статьями для энциклопедии, им была завершена монография «Горные богатства Азербайджана», руководителем которой являлся председатель Азербайджанского отделения АН СССР Франц Юльевич Левинсон-Лессинг. Лейла ханым утверждает, что идея ее написания была предложена им же. Левинсон-Лессинг особо выделял Кязимова и, приезжая в Баку, вместе с женой непременно приходил в гости и обязательно с подарками для его маленькой дочери. Некоторые из них до сих пор сохранились и напоминают ей о тех светлых днях, когда ничто не омрачало жизнь молодой семьи.

4 апреля 1938 года Джафар Кязимов был арестован. По заведенному в НКВД правилу, пришли ночью. Вот как вспоминает об этом Лейла ханым Кязимова: «Это был совершенно стандартный арест: ночью пришли два или три человека в кожанках. Потом в качестве понятых пришли дворничиха и ее сын. Я спала в другой комнате и, проснувшись, через полуоткрытую дверь могла разглядеть, что происходит. Какое-то время они вели обыск, ничего крамольного не нашли и взяли только научную работу, открытки-письма, партийный и МОПровский билет, два диплома, один из которых остался в КГБ, мне потом вернули только его копию, значок члена правительства, а также билет МОПРа и билет бесплатного проезда на трамвае, но не вернули главное - конфискованную ими фундаментальную 614-страничную

монографию отца «Горные богатства Азербайджана» и другие научные труды. Когда отец уходил, он поднял меня с кровати, поцеловал и сказал: «Я уезжаю в Москву, скоро приеду и привезу тебе много подарков». Он поцеловал меня, уложил в постель и ушел».

Джафар Кязимов и предположить не мог, что дверь родного дома закрылась за его спиной почти на 20 лет. Более того, он не знал, какие тяжелые моральные и физические испытания ожидают его, человека, счастье которого заключалось в любви к своей работе и семье.

Звериная жестокость, проявлявшаяся во время допросов, много раз описана в книгах и воспоминаниях, прошедших через ад «Большого террора» бывших узников, рассказах их потомков. Дочь Джафара Кязимова только сейчас прервала многолетнее молчание и поделилась тем, что ее отец, вернувшись из лагерей инвалидом, рассказал жене и дочери.

- Папа рассказывал, что от него добивались признания, что он троцкист, контрреволюционер. «Ты был в кружке троцкистов!» - «Нет, не был» - «Нет, был, ты должен подписать, что был. Кто тебя туда вовлек? Ты хотел свергнуть советскую власть в Азербайджане!» - «Нет, я не хотел». Его жестоко били, чтобы он сознался. По несколько дней держали в маленьком помещении, похожим на каменный мешок, где нельзя было присесть даже на корточках, только стоять. У него отекали ноги, а в лицо, в глаза был направлен яркий свет софитов и их жар. Так он стоял по трое суток, теряя сознание, но даже упасть не мог. Это не только он, другие тоже через это проходили. После пыток его снова вели на допрос, истязали, добываясь признания. Из-за нестерпимых мук он подписывал, а когда приводили на следующий допрос, отказывался от своих показаний и подписей, и тогда снова начинались мучения. Папа истекал кровью, зверства были хуже, чем в фашистском гестапо, но он ни одной фамилии не назвал.

Особенно зверствовал следователь Мустафаев, он всячески издевался над ним, не давал воды. Ставил перед ним (это уже со слов папы) вазу с фруктами и говорил: «Вот подпишешь признание, тогда я тебе дам эти фрукты». Как со скотиной обращался. Маме тюремный врач по фамилии Беленький шепнул, что папу сильно избивают, и она, придя к следователю, подняла большой шум, после чего отца уложили в больницу. Мама никого и ничего не боялась, она говорила, что не знает, что такое страх.

Мама также ездила в Москву с заявлением папы о его невиновности и подавала его непосредственно в прокуратуру, даже ходила на прием к прокурору. «Если арестовали моего мужа, значит, и я, его жена, недосмотрела, что он состоит в какой-то партии, а значит, надо арестовать и меня!». Прокурор, видимо, сжалившись над ней, сказал: «Доктор, ну как вы не понимаете, это общее положение такое, вы ничего не добьетесь, не докажете, идите и тихо дожидайтесь его дома, закончится его срок, может, он и выйдет». А папа ей все время говорил: «Пиши, Мария, пиши, я невиновен!». А еще отца беспокоила судьба его рукописи, по сути, энциклопедического труда «Горные богатства Азербайджана», в который он вложил весь объем своих знаний, максимум энергии и времени. И он постоянно просил маму найти ее и сохранить. Помню, как в один из дней после войны мы с мамой пошли в типографию, куда отец сдал рукопись монографии и в которой незадолго до ареста был уже отпечатан сигнальный экземпляр, в надежде на то, что там сохранились, однако ей сказали, что и рукопись, и сигнальный экземпляр арестованы еще до войны. Тогда мама пошла в Академию наук и спросила у ученого секретаря, где ее можно найти. «Не ищите эту рукопись, за нее уже получили Государственную премию», - ответил он.

После ареста главы семьи Мария Николаевна, ее мама, Елена Ивановна, и пятилетняя Лейла остались без материальной поддержки, накоплений никаких не было, благо Мария Николаевна работала хирургом в Сабунчинской больнице и получала зарплату.

Лейла ханым вспоминает:

- Мы с бабушкой стали ходить в тюрьму. Меня не с кем было оставить, поэтому она брала меня с собой. Выходили из дома в шесть утра и шли почему-то пешком от Арменикенда до здания НКВД (напротив тогдашнего клуба Дзержинского, ныне Шахрияра), в подвале которого располагалась тюрьма. Приходили где-то к восьми часам и уже были в очереди двадцатыми или тридцатыми. Еду мы не носили, потому что ее у нас не было, передавали в окошечко нижнее белье и, по-моему, простыню и наволочку, и забирали грязное. В тюрьме сидел и брат отца Агагусейн, который был министром здравоохранения Азербайджана. Передачу ему носил его старший сын, который приходил чуть позже, чем мы. Бабушка всегда пропускала его вперед себя, чтобы он не стоял в конце очереди. Народу было очень много. Он тоже сдавал и забирал белье. Бабушка, которая стояла за ним, видела, какое белье он получал. Когда мы пришли домой, она сказала маме, что белье было окровавлено. Мама только спросила: «Какого цвета была кровь - алая или бурая?». Бабушка ответила: «Алая...». Мама только и сказала: «Его расстреляли».

После посещения тюрьмы мы возвращались домой, где нас ожидал ад, потому что после ареста отца нас моментально уплотнили, вселив в нашу квартиру две семьи, переехавшие в Баку из района. Из четырех наших комнат они заняли две. Представьте себе, что к семье из трех человек из района приезжали еще три человека и постоянно проживали в квартире. При этом кухня на более чем десять человек была общая. Поскольку гостям из района места в комнате не хватало, они выносили тяжелые стеганные одеяла

в проход между комнатами и укладывались спать. Мы уже не имели возможности пройти на кухню или в туалет. Эти люди каждый день угрожали нам, говорили маме: «Ты жена врага народа, вас надо отсюда выбросить». Меня отчислили из детского сада, потом не принимали в пионеры, я уже не говорю о комсомоле. Вокруг нас начались разговоры, правда, в школе их не было. Люди, вселившиеся в нашу квартиру, продолжали нам угрожать, и мы старались лишней раз не выходить из комнаты. Если готовили обед, ни на шаг не отходили от плиты, зная, что соседи могли что угодно бросить в кастрюлю...

Результат хлопот Марии Николаевны и заявлений Кязимова все-таки был: после расследования в специальной прокуратуре АзССР, в Военной прокуратуре и Особом совещании при НКВД СССР, как пишет А.Тахирзаде, дело было возвращено за отсутствием доказательств. Однако был кто-то, кому Кязимов в чем-то перешел дорогу или, наоборот, стоял на пути, и он продолжал находиться под арестом. Два года два месяца велось расследование придуманной кем-то его «контрреволюционной деятельности». Несомненно, кто-то приложил руку к созданию подобного мифа с помощью ложного доноса. Этот некто знал, что наступило благоприятное время для достижения личной корыстной цели. Ведь уже придуманы и во всех республиках созданы пресловутые «тройки», которым было дано право без суда и следствия, без доказательств «назначать» врагов народа. Ныне существует «Список лиц, входивших в состав троек, созданных по приказу НКВД СССР от 30.07.1937 г.». В таблице напротив фамилии под графой «назначение» указано время назначения и вопрос, которым это лицо должно заниматься. В Азербайджане в составе «тройки» 58-й статьей, по которой проходил Джафар Кязимов, занимались следующие лица: председатель - нарком внутренних дел Азербайджана М.Г.Раев, прокурор Агагусейн Гусейнов и первый секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана Мир-Теймур Якубов, который вошел в тройку в марте 1938 года. Однако, как видим, не они вынесли свой «профессиональный» вердикт, не они решили судьбу Кязимова, а заместитель наркома внутренних дел АзССР Дж.З.Керимов. Не добившись от Джафара Кязимова согласия поставить подпись под обвиняющими его в контрреволюционной деятельности бумагами, он со злостью сказал: «Ты не подписываешь, не согласен, но я все равно тебя посажу!». И не стал медлить с претворением в жизнь своего намерения...

В январе 1940-го, игнорируя тот факт, что даже при том, что существовала разрядка на количество людей, подлежащих уничтожению в самой различной форме, ни одна из вышеназванных организаций не смогла выявить состав преступления, Керимов, взяв с собой документы по надуманному делу Кязимова, отправился в Москву. Мы никогда не узнаем, какие доводы он приводил членам Особого совещания на закрытом (значит, было что скрывать!) заседании, но цели своей добился. 26 января 1940 года специальная комиссия при НКВД СССР приговорила Кязимова к пяти годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере за участие в якобы действовавшей в Азербайджане контрреволюционной националистической организации, а также за подрывную работу на научном фронте и шпионаж. И это при том, что сохранявшаяся в филиале документация свидетельствовала об активном участии Кязимова в создании научных центров, о его научных исследованиях...

В самом начале 1940 года «контрреволюционер» Джафар Кязимов был отправлен в заполярный лагерь в г.Ухта Коми АССР. Как пишет ведущий историк Института истории имени А.Бакиханова НАНА Тамилла Керимова в своей книге «Из истории Национальной академии наук Азербайджана» (Баку, 2005) в главе «Репрессированная наука», «он, как и другие заключенные занимался рубкой леса, рытьем каналов в болотистой местности. В лагерях ГУЛАГа к ученым и специалистам применялся следующий метод: сперва их заставляли работать в самых трудных и унижительных условиях, чтобы тем самым сломить их физически и морально, а затем «в знак особой милости» привлекали к той работе, которой они занимались до ареста. Так поступили и с Джафаром Кязимовым. Изнурительный труд по 12 часов на рубке леса, рытье траншей и других работах подрывал его здоровье, и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не случайная встреча с земляком, молодым геологом Рустамом Векиловым. Познакомились, поговорили, оказалось, оба из Баку. Р.Векилов рассказал, что еще в ноябре 1940-го был направлен на работу в систему МВД СССР с выездом в Ухту, на комбинат, где отбывали срок политзаключенные, а сейчас является руководителем Центральной научно-исследовательской лаборатории Ухтинского комбината МВД СССР. Неизвестно, о чем еще они говорили, но после этой встречи Р.Векилов обратился с рапортом к начальнику колонии с предложением передать Джафара Кязимова в его ведение как специалиста для работы в лаборатории и участия в поисковых экспедициях.

Так Кязимов освободился от тяжелой работы и стал вольнонаемным. Рустам Векилов насколько возможно в суровых условиях Севера проявлял заботу о своем земляке. За добросовестное отношение к работе и участие в ряде исследовательских разработок, имея положительную характеристику, Дж.Кязимов был досрочно освобожден от заключения. Однако поскольку действовала «директива 185», предписывавшая не освобождать «врагов народа» до конца войны», паспорт Дж. Кязимову выдали с ограниченными правами, и он не смог вернуться домой.

Оставшись в Ухте, 15 апреля 1945 года он устроился на должность географа-петрографа в Ухткомбинат - подразделение Управления исправительно-трудовых лагерей АО МВД СССР. С октября

того же года работал уже старшим техником-геологом в Северо-Тиманской экспедиции Ухткомбината. В этой экспедиции, состоявшей из четырех специалистов и двух рабочих и руководимой Р.Векиловым, он участвовал в геолого-поисковых работах на территории Архангельской области продолжительностью 14 месяцев и 9 месяцев в период с 1 октября 1945-го по 10 января 1948-го.

Работа экспедиции имела важное государственное значение. Она была связана с поиском урана, необходимого для создания атомного оружия в СССР. Еще в самом начале войны Гитлер угрожал новым оружием, который одним ударом может разрушить весь Союз. Советские разведчики подтверждали реальность этой угрозы и близкое завершение работ по созданию атомной бомбы. После нелегального получения необходимых чертежей и расчетов в СССР приступают к созданию своей атомной бомбы, но необходим уран. Большое количество. И начались срочные его поиски по всей территории Советского Союза, в том числе в Коми АССР, где его поисками и занялась Северо-Тиманская экспедиция.

Две экспедиции были направлены вначале в район Чешской губы на территории Архангельской области. Люди работали в тяжелейших условиях. Первая экспедиция - с 1 октября 1945 года по 20 декабря 1946-го, вторая - с 15 апреля 1947-го по 10 января 1948го. В удостоверении, выданном начальником Ухтинского комбината полковником И.Карасевым Рустаму Векилову, говорилось, что экспедиция направляется в район Чешской губы по специальному постановлению Совета министров СССР для выполнения особого задания МВД и КГБ. Военным комендантам предписывалось всячески оказывать Векилову содействие в выполнении возложенных на экспедицию ответственных задач. Весной 1941 года экспедиция достигает поставленной цели: найдено первое богатое месторождение советского урана. Приводя в статье эти данные, ее авторы - Азад Шариф и Маис Багиров особо подчеркивают, что их настойчивые поиски более подробных материалов о работе на Ухтинском комбинате были безуспешны. Не увенчались успехом и поиски сведений, связанных с деятельностью этого комбината, воспоминаниями бывших заключенных и участников этих экспедиций, и автора данной статьи. Этот крупный, важный для государства успех начальник Ухткомбината полковник Беляков зафиксировал следующей записью в характеристике Джафара Кязимова: «За успешное выполнение правительственного задания в Заполярье тов. Кязимову Д.А. начальником Ухткомбината МВД в 1947 году была вынесена благодарность с занесением в личное дело».

В 1948 году Джафара Кязимова разбил тяжелый паралич. Неизвестно, лечили его в Ухте или нет, но только в августе 1940-го его привезут в Баку, да и то без разрешения проживать в столице. Жена была вынуждена найти ему квартиру в ближайшем к Баку населенном пункте, в Шамахе, а также сиделку по уходу за парализованным мужем. Время для своевременного лечения было упущено, но верная и любящая супруга делала все возможное, чтобы спасти мужа, и это была целая эпопея. Ежедневно с огромными сумками ездила в Шамахе, чтобы отвезти продукты, домашнюю еду, и параллельно - в Академию наук, чтобы выбить ему пенсию, а до того - в Москву, чтобы добиться скорейшей реабилитации. Она дважды возила мужа в Москву на лечение к известному нейрохирургу Коновалову, которого сама лечила, когда он, приехав по делам в Баку, попал в аварию. В московской прокуратуре, где велась работа с документами по реабилитации, она очень просила ускорить решение дела, чтобы тяжело больной муж при жизни успел порадоваться тому, что истина, наконец, восторжествовала и он оправдан. Ей пошли навстречу, и уже через месяц Джафар Кязимов был реабилитирован. Параллельно она ездила в Академию наук Азербайджана, чтобы пробить мужу пенсию. В один из дней вместо мамы в академию поехала Лейла ханым.

- Проходя в бухгалтерию через открытый читальный зал, где было много столов, на одном из них я случайно увидела папину работу «Тектоническом развитие Малого Кавказа. К вопросу о металлогенетических эпохах», - вспоминает Лейла ханым. - Она была издана задолго до ареста в виде брошюры в 1937 году, и несколько ее экземпляров сохранилось у нас дома, но вот на этом, увиденном мною экземпляре, фамилия папы была замазана черной тушью...

Джафар Кязимов ушел из жизни в августе 1968 года. Он так и не узнал, где «затерялся» его большой исследовательский труд.

За заслуги в поиске советского урана 28 октября 1967 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью Георгадзе Джафар Кязимов был удостоен ордена Трудового Красного знамени, и в ноябре того же года он был ему вручен.

За свое безграничное терпение и многолетние хлопоты по спасению своего мужа, продлению его жизни, за преданность ему свою награду получила и Мария Николаевна. Бог подарил ей 96 лет жизни. Конечно, это никак не восполнит те страдания, которые им пришлось испытать, но пройдя их, они остались достойными людьми - такими, на которых и держится мир...

Окончание